

Н. П. ОГАРЕВ — ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Е. Л. РУДНИЦКАЯ

Борьба вокруг идейного наследства, трактовка преемственности общественной мысли, определение места и роли исторического деятеля составляют неотъемлемую часть классовой борьбы на идеологическом фронте. В современных исторических условиях эта борьба, выйдя за рамки национальные, отражает столкновение двух миров, двух социальных систем. Особую остроту приобрела при этом трактовка проблематики русской истории, которая извращается современной буржуазной реакционной наукой в антисоветских целях.

Характерной чертой методологии буржуазных исследований истории русского общественного движения за рубежом является не только заимствование отдельных приемов и принципов отбора, изучения и подачи материала, но и полное воспроизведение концепций русской дореволюционной буржуазной историографии. Совпадение это, свидетельствуя о единстве классового подхода, демонстрирует также глубокий кризис современной буржуазной историографии, которая топчется в узких пределах давно пройденных наукой представлений. В этом отношении очень показательным то освещение, которое получил в русской дореволюционной и современной западной буржуазной литературе выдающийся деятель русского освободительного движения Н. П. Огарев.

Представление об Огареве как революционном мыслителе и деятеле вообще отсутствует в буржуазной литературе. Больше того, вся его многообразная деятельность интерпретируется таким образом, чтобы показать ее полную беспочвенность и бесплодность, совершенно исключить из нее революционно-преобразующее содержание. Эта задача решается, во-первых, отрицанием самостоятельности и оригинальности Огарева как мыслителя по отношению к Герцену. Во-вторых, узким хронологическим ограничением изучаемого периода жизни Огарева, абсолютно исключая эмигрантские годы, когда он в полной мере развернулся как революционер и публицист. В-третьих, грубым искажением содержания мировоззрения Огарева, характера его философских, социальных и политических взглядов и его общественной деятельности до эмиграции из России.

Именно с этих исходных позиций трактуется Огарев одним из его первых биографов, литературоведом и критиком П. В. Анненковым. Его биографический очерк «Идеалисты 30-х годов», посвященный Герцену и Огареву (1883 г.), представлял собой, по существу, попытку дать оценку тех идейных истоков, из которых развилось революционно-демократическое движение 60-х годов. Доказывая оторванность от русской жизни и наносный характер тех идей, на которых фор-

мировались будущие деятели революционного движения, Анненков делал вывод, что их революционные теории не имели никаких корней в российской действительности, были порождением чуждых европейских влияний. При этом он старается доказать, что Огарев по самому складу своего характера был неспособен иметь твердые убеждения, играть роль идейного вождя. Тенденциозно используя имевшиеся в его распоряжении литературные произведения и письма Огарева, Анненков дал сознательно ложную картину его идейного развития в 30-е годы. Одна из первых биографий Герцена, вышедшая в 1897 г. и принадлежащая В. Д. Смирнову, также пронизана стремлением полного развенчания Огарева как мыслителя, политического деятеля, поэта и человека. Огарев, старается убедить читателя автор, занялся политикой только под влиянием Герцена. Его подчинение Герцену было «рабским»: «он шел с Герценом, думал, как Герцен, и служил тем же идеям, которые создавал его друг»¹. И, наконец, в многочисленных очерках об Огареве веховца М. О. Гершензона дается законченный образ мечтателя, вся деятельность которого пронизана исключительно «стремлением к гармонии». Даже социальные эксперименты Огарева: освобождение им своих крепостных крестьян, устройство ферм и фабрик рассматриваются только как стремление к отвлеченной гармонии, разбивающееся при столкновении с жизнью. Идейное банкротство — таков финал всех его устремлений. 1856 годом — годом эмиграции обрывается для Гершензона жизнь Огарева как представителя русской дворянской интеллигенции.

Ничего принципиально нового по сравнению с приведенными работами, определившими весь тон русской буржуазной историографии об Огареве, не дает и новейшая зарубежная литература².

Ограничивая себя привычными рамками старых идеалистических концепций, она вновь и вновь воссоздает мифический облик Огарева-неудачника, символ надуманности и бесплодности русской революционной идеологии.

В трудах советских ученых — историков, философов, экономистов и литературоведов получили научное освещение различные аспекты многогранной деятельности Огарева³. В них Огарев предстает выдающимся деятелем русского освободительного движения, революционным мыслителем и поэтом. Однако в работах, посвященных мировоззрению Огарева, его теоретические взгляды рассматриваются в отрыве от революционно-практической деятельности, а историко-биографические работы освещают лишь отдельные периоды его жизни. Цель настоящей статьи — проследить, какое место занимала идея революции в теоретической и практической деятельности Огарева на протяжении всей его жизни. Такая постановка вопроса дает возможность полнее выявить подлинный характер революционных воззрений Огарева, проследить,

---

¹ В. Д. Смирнов. Жизнь и деятельность А. И. Герцена в России и за границей, СПб., 1897, стр. 44.

² В современной буржуазной историографии нет сколько-нибудь серьезных работ, посвященных специально рассмотрению творчества и деятельности Огарева. Э. Х. Карр в своей книге «The Romantic Exiles», London, 1933, 2 изд. 1961 касается личной жизни Огарева в эмигрантский период (характерно название соответствующих глав: «Бедный Ник» I, II). В работе прогрессивного итальянского историка Ф. Вентури, содержащей разделы о Чернышевском, Герцене, Лаврове, Ткачеве и др., деятельность Огарева затрагивается, к сожалению, только эпизодически. См. F. Venturi, *The Roots of Revolution*, London, 1960.

³ Монографии М. В. Яковлева, М. Е. Иовчука, предисловие Н. Г. Тараканова к двухтомнику «Избранных социально-политических и философских произведений» Н. П. Огарева, статьи и публикации акад. М. В. Нечкиной, Б. П. Козьмина, Я. З. Черныяка о революционной деятельности Огарева, статьи Я. И. Линкова об участии Огарева в «Земле и Воле».

как формировались и видоизменялись его революционные представления в практике участия в русском общественном движении и революционной борьбе.

* * *

На склоне лет в брошюре-листовке «В память людям 14 Декабря 1825» Огарев писал: «...одно из главных целей людей 14 Декабря было: заявить свою мысль всенародно, заявить пример, одним словом — начать. Они погибли, но дело не погибло. Может быть, и продолжение его со всеми новыми общественными, народными требованиями еще раз вызовет благородные жертвы. Все, что мы можем сказать; будьте готовы, друзья!»⁴. И в плане личном, и с общенсторической точки зрения выступление декабристов рассматривалось Огаревым как исходный момент, определивший все дальнейшее развитие. В одном из вариантов своей незавершенной автобиографии, в «Моей исповеди», Огаревым воссоздается та полная напряжения и ожидания атмосфера русской общественной жизни, в которой прошло его детство и которая определила его рано оформившийся интерес к политическим вопросам. Поэзия декабристов, вольнолюбивые стихи Пушкина и гражданский пафос шиллеровских поэм периода «бури и натиска» слились для мальчика в едином потоке: «Струна философско-гражданского поэтического настроения зазвучала... Я был затронут за живое». Этим моментом Огарев фиксирует начало своего «вольнодумства»⁵.

Казнь декабристов раскрыла Огареву глаза на деспотическую сущность самодержавия, впервые заставила осознать свою непримиримую враждебность к нему. Не преувеличивая ясность политической идеи, воодушевлявшей Герцена и Огарева в момент клятвы на Воробьевых горах, нельзя не признать ее глубокого символического смысла, воспринимавшегося ими на протяжении всей жизни как напоминание и призыв к революционной активности.

Таким образом, к Огареву в равной степени относятся слова Ленина о Герцене, что он принадлежал к поколению дворянских революционеров, разбуженных декабристами. Комплекс политических идей, усвоенных юношей Огаревым, сводился к идеалу республики, свободы, равенства и братства, провозглашенных Великой Французской революцией. Реализация этих лозунгов мыслилась как непосредственное продолжение дела декабристов. Поэтому при первой представившей возможности воздействовать на окружающую среду и вербовать единомышленников студенты Огарев и Герцен начинают пропаганду, чтобы найти «прозелитов и последователей» и основать тайное политическое общество «по образу и подобию декабристов». Огарев поддерживает связь с наиболее радикально настроенными студентами Московского университета, среди его ближайших друзей участники руководимого Сунгуровым студенческого политического общества, ставившего своей целью введение в России конституции. Он близок с автором антицарских сатирических песен, другом Полежаева поэтом В. Соколовским и всем его кругом, состоявшим из радикально настроенной разночинной молодежи. Огарев — неприменный участник всех студенческих начинаний и демонстраций, направленных против реакционной профессуры университета. Из-за близости к сунгуровцам он попадает в 1832 г. под надзор тайной полиции. Он сам «центр кристаллизации», вокруг которого группируется стремящаяся к активной политической деятельности мо-

⁴ Н. П. Огарев. Избр. социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 788.

⁵ Н. П. Огарев. Моя исповедь. «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 686, 687.

лодежь. Студенческий кружок Герцена — Огарева не сложился в политическую организацию, но именно такую цель он себе ставил. Для возникновения политического объединения в условиях николаевской России 30-х годов не было достаточных предпосылок. Тактика военного заговора исчерпала себя. Освободительное движение переживало процесс выработки революционной теории, соответствующей новому историческому этапу. В этом процессе кружку Герцена — Огарева принадлежала ведущая роль. Углубленная теоретическая работа, которая шла в кружке, привела его под влиянием революционных событий в Европе 1830—1831 гг. к постановке вопроса о недостаточности политических революций, оставляющих без изменения социальное неравенство, о первостепенном значении разрешения социальной проблемы. Обращение в этой связи участников кружка к идее социализма, разработкой которой Огарев отныне систематически занялся, знаменовало начало нового качественного этапа развития русской общественной мысли. В связи с критической переоценкой опыта декабристов и усилением внимания к роли народных масс в историческом процессе кружок Герцена — Огарева положил начало новой постановке этого вопроса в истории русского революционного движения.

Арест Огарева 9 июня 1834 г. по обвинению в пении «пасквильных песен» и последовавшие затем аресты и осуждение других членов их студенческого кружка было первым политическим крещением Огарева, которое он воспринял с романтической приподнятостью, как начало осуществления своего высокого призвания — служения во имя народной свободы. Позднее, определяя историческое место кружка, Огарев поставил его в ряду политических замыслов 20-х годов, как последнее проявление декабристских тенденций. Но пробивавшееся в нем новое направление отчетливо проявилось в политическом обществе, возникшем уже в 40-х годах: «Мы напоследях примкнули к социальным стремлениям; — общество Петрашевского с них начало»⁶, так вскрывалась самими деятелями преемственность русского революционного движения, прослеживалось развитие и обогащение его теоретической основы. Для самого Огарева возвращение к активной политической деятельности, а затем участие в тайном политическом обществе отделены от первой попытки создания организации и постановки систематической политической пропаганды более чем двадцатью годами. Это были для него годы сосредоточенной работы мысли, искавшей последовательно революционной теории.

Проблема роли народа в историческом процессе оставалась в центре внимания Огарева в годы пензенской ссылки (1835—1839 гг.). Тот теоретический спор, который разгорелся между участниками кружка о прогрессивной роли русского дворянства, поскольку именно из его среды вышли первые русские революционеры, продолжался между ними и после разгрома кружка.

Позиция Огарева в этом споре под влиянием непосредственного знакомства с провинциальным дворянством, с жизнью крепостной деревни кардинально меняется. Объяснение революционности русского дворянства Огарев находил ранее в исторических особенностях его возникновения. Он разделял мнение, что, в отличие от западноевропейского, дворянство в России не сложилось в аристократию, а образовалось в ходе централизации русского государства, так и осталось соединением выходцев из разных сословий, полностью зависимым от верховной власти. Следовавший отсюда вывод о его притеснении и оппозиционности Огарев теперь решительно опровергает. Он приходит к выводу, что давят не аристократию, а отдельных ее представителей — «давят идеи в юных умах». «Поживите в провинции, послушайте вопль угнетен-

⁶ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. I, стр. 421.

ных, посмотрите на жестокость даже либералов-помещиков, взгляните на то, что эта жестокость всегда бывает оправдана, несмотря ни на какие просьбы, то вы увидите, что аристократию не дают, а поддерживают». Поражает зрелостью категорический вывод Огарева: «Крестьян... никогда аристократы (лучше помещики) не отпустят на волю», они составляют с царем глубоко родственную единую силу: «У нас помещики, а выше помещик помещиков, помещик en grand...»⁷. Огарев делает вывод, что изменить существующий порядок может только народ, который возглавит революционная интеллигенция.

Было бы ошибкой считать, что Огарев уже в 30-е годы был сложившимся революционным демократом, осознавшим решающее значение народа в революции. Скорее это был высокий взлет мысли, глубокое проникновение в русские социальные отношения, за которыми еще не раз следовали отступления в сторону либерализма, иллюзии в отношении монархической власти и роли просвещенного дворянства в преобразовании России. Однако мы имеем здесь несомненное свидетельство того, что революционный протест Огарева был одновременно направлен и против самодержавия и против всего социального строя русской жизни. Один из первых в истории русской общественной мысли, он ставит вопрос о соотношении народного движения и деятельности революционного меньшинства, о сближении его с народом. Сам этот факт — показатель тех принципиальных сдвигов, которые произошли со времени декабристов в сознании революционной интеллигенции, в понимании роли народа в истории, в представлениях о формах революционной борьбы, хотя и решаются все эти вопросы пока отвлеченно теоретически.

Дальнейшая их разработка все более отесняется возрастающим интересом Огарева к проблеме соотношения личных и общественных интересов при социализме, причем преобладающее внимание он уделяет морально-этической стороне вопроса. Еще в письме к Герцену 1832 г. Огарев обращал его внимание на систему Ламенне, в которой его привлекала идея «полного усовершенствования рода человеческого». Однако христианскому социализму Ламенне, его пониманию прогресса как развития в человечестве нравственного стремления объединиться с божеством Огарев противопоставляет требование создания рациональной религии, «такой религии, [которая] слилась бы с философией или, лучше сказать, исчезла в философии». Работая в годы ссылки над созданием своей собственной всеобъемлющей философской системы, где развитие человечества рассматривалось как саморазвитие «идеи человечества», Огарев формулирует задачу общественной организации: «Сохранить при высочайшем развитии общности полную свободу индивидуальную». Эта сосредоточенность на основании прав личности была типическим явлением для русской общественной мысли той эпохи, поскольку в крепостной стране личность оставалась исключительно объектом притеснения, а задачи антикрепостнической борьбы — первоочередными.

С этим связано и то особое звучание, которое получило в развитии русской социалистической мысли учение Сен-Симона, воспринятое Огаревым как единственная «не бездушная философия последних времен, где высоко поняты требования века...»⁸. Если позднее, оценивая историческое значение Сен-Симона, Огарев выделял прежде всего пронизывающую его учение идею историзма, закономерность социализма, то в 30-е годы ему были особенно созвучны «новое христианство» Сен-Симона, поиски социальной религии, провозглашение прав человеческой личности.

Однако такая направленность теоретических исканий Огарева отнюдь не означала спада в его политических устремлениях. В момент

⁷ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, М., 1956, стр. 284, 285.

⁸ Там же, т. I, стр. 283, 267.

наибольшего увлечения христианско-мистическими идеями он под впечатлением поездки на Кавказ пишет стихотворение «Дон — Halbfantasie, Halberinnerung», в котором отражена его вера в могучие силы протеста, зреющие в народе. Правда, это пока не только впечатление от увиденного, но и полужантасия. Со всей определенностью радикализм политического мировоззрения Огарева после возвращения из ссылки выразился в поэме «Юмор» (1-я и 2-я части написаны в 1840—1841 гг.). Занимая центральное место в поэтическом наследстве Огарева, «Юмор» звучит как политическая исповедь того поколения дворян-революционеров, одним из крупнейших представителей которого он был. Весь строй современной русской жизни — ее политическая система, социальные отношения, религия, официально признанные литература и искусство подвергнуты уничтожающей критике. Написанный «кровью сердца» «желчный» стих Огарева пронизан единой мыслью: необходимости и неизбежности революционного переустройства общества. Произнося приговор аристократии, Огарев отрекается от нее как выразитель интересов народа, не останавливающийся перед применением насилия ради интересов народа:

«Есть к массам у меня любовь
И в сердце злора Робеспьера.
Я гильотину ввел бы вновь...
Вот исправительная мера!»⁹

Социализм, провозглашенный пророками Фурье и Сен-Симоном, — конечная цель назревающей в России бури, которую Огарев жаждет приблизить, но не видит ее реальных носителей. Он обращается к мысли об использовании войска для революции, и не просто как силы, послушной воле командиров-заговорщиков. В войске он видит организованный и вооруженный народ, таящий в себе гибельную для самодержавия мощь. Эта мысль получит у него в дальнейшем развитие в плане военно-крестьянской революции. А пока он знает, что это лишь мечта, что штыки — опора деспотизма, и он посылает проклятия войску, Петербургу, олицетворяющему самодержавие, этому «гордому Вавилону», которому «народный стон» грозит бедой и падением.

* * *

Поэма «Юмор» в художественной форме отразила поиски и завоевания Огарева в области революционной теории, стимулировавшиеся той острой идеологической борьбой, которая происходила в среде передовой русской интеллигенции на рубеже 30—40-х годов. Эта борьба, развернувшаяся вокруг толкования философской системы Гегеля, отражала тот кризисный момент в развитии русской революционной мысли, когда первое открытое революционное выступление было разгромлено, и в условиях торжествующей реакции освободительное движение в лице своих крупнейших представителей, остановилось перед мучительной безысходностью современного строя жизни. Самым мрачным выражением этого трагического взгляда на положение России, нигилистической переоценкой опыта декабристов было выступление П. А. Чаадаева с «Философическими письмами». Определенной реакцией на декабризм было широкое распространение среди интеллигенции глубоко реакционных идей позднего Шеллинга, а также специфическое восприятие философской системы Гегеля. Те прямолинейные политические выводы, которые делал Бакунин из формулы «все действительное разумно, все разумное действительно», приводили к утверждению правомерности и объективной прогрессивности русского самодержавного строя. Они были результатом абсолютного следования системе и игнорирования ее диалектиче-

⁹ Н. П. Огарев. Избр. произв., т. II, М., 1956, стр. 18.

ского духа, ее метода, составлявшего рациональное зерно философии Гегеля. Естественным продолжением этих взглядов было отрицание всякой политической борьбы или, говоря языком того времени, «всего французского», т. е. революционного. На этом поле — отношении к русской действительности, к русскому политическому строю — произошло сражение Герцена и Огарева с правыми толкователями Гегеля. Они выступили в этой борьбе с последовательных позиций отстаивания революционной традиции, преемственности русского общественного движения. Еще в ссылке начав чтение Гегеля, Огарев приступает к его систематическому изучению, чтобы постичь сущность той философской системы, которая рассматривалась как вершина человеческой мысли. Критическое преодоление Гегеля шло у Огарева в двух аспектах: по пути выявления диалектического метода философской системы Гегеля и его материалистической переработки. Систематические и углубленные занятия естествознанием привели Огарева к середине 40-х годов на позиции материализма. Направление критики Огарева совпало в ряде существенных моментов с тем пересмотром гегельянства, который развернулся в Германии в форме младогегельянства: «...не все, что действительно, разумное, но разумное должно быть действительно. Лучшая мысль современной германской философии — *die Philosophie der That*. Я нашел реакцию против Гегеля»¹⁰, — писал Огарев Герцену из-за границы в июле 1841 г. Найдя в философии Гегеля обоснование активного действенного начала, провозглашая «философию дела», Огарев не может ограничиться этим абстрактным решением проблемы, он идет дальше младогегельянства в поисках тех форм, которые должно принять это приложение философского принципа к практике общественной борьбы, в борьбе за социализм.

Однако прежде чем Огарев пришел к четкому пониманию характера этого действия, пониманию социальной революции как единственно исторически закономерного воплощения в жизнь философии действия, он прошел через ряд ошибок и заблуждений, обусловленных в конечном счете тем, «что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах»¹¹. На этом пути он делает попытку подойти к социальной проблеме с позиции антропологии, но убеждается в несостоятельности такого решения. Нащупав верное направление в признании практики движущей силой истории, Огарев не сумел понять ее в смысле общественной производственной практики, а свел ее к механической сумме действий отдельных индивидуумов. Приложение принципа необходимости активной, целеустремленной деятельности каждого для приближения социалистического будущего приводит Огарева в плане субъективном к решению начать самому в доступной сфере деятельности подготавливать условия, которые облегчили бы в будущем переход к социалистическому строю, начать теперь же вносить в жизнь элементы социализма, создавая социалистические ячейки — прообразы будущей организации человечества. Сложившийся у него замысел создания коммунистической колонии ему реализовать не удалось, так как этот план не встретил сочувствия среди его ближайших друзей, которых предполагалось в нее привлечь. Но вся реформистская деятельность Огарева, развернувшаяся с конца 40-х годов в его имениях, ставила, по существу, своей конечной целью внесение таких экономических и культурных преобразований в жизнь крепостной деревни, чтобы стал возможен переход к социалистической системе отношений. В целом же путь социального реформаторства и экспериментов, на который встал Огарев, был вызван полным отсутствием возможностей для активной общественной, политической или даже литературной деятельности. Он несколько не означал принципиального отказа Огарева от идеи революции,

¹⁰ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 316.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 261.

и сама неудача всех его начинаний в крепостной деревне не только послужила горьким опытом, убедившим в бессилии индивидуального реформаторства, но и обогатила его знанием условий народной жизни, еще раз подтвердила вывод, что только сам народ, поднявшись на борьбу, завоеует свое освобождение. Этот вывод совершенно определенно звучит в заключительной части поэмы Огарева «Деревня» — «Письме Юрия», написанном в 1854 г. Герой поэмы — молодой прогрессивный помещик, убедившись в тщетности своих реформаторских начинаний в крепостной деревне, приходит к мысли об эмиграции, чтобы иметь возможность обратиться оттуда с открытым революционным призывом к народу. Программой последующей деятельности Огарева звучит заключительная строфа поэмы:

«Я стану в чуждой стороне
Порядок ненавистный мне,
Клеймить изустно и печатно,
И, может, дальний голос мой,
Прокравшись к стороне родной,
Гонимый вольности шпионом,
Накличет бунт под русским небосклоном»¹².

* * *

Эмиграция Огарева из России (апрель 1856 г.), как и отъезд за границу Герцена десятью годами ранее, была продиктована стремлением приложить свои силы к делу пробуждения революционного сознания русского народа путем постановки систематической организованной пропаганды. Это был переломный момент его жизни, начало той широкой, всепоглощающей деятельности во имя освобождения народа от социального и политического порабощения, к которой он неуклонно стремился со времен Воробьевых гор. Это был переломный момент и для истории Вольной русской прессы. С Огаревым до Герцена дошли живые голоса начинавшегося в России общественного возбуждения. Огарев был полон замыслов, и их реализация становится общим делом его и Герцена.

Казалось бы, сказанное находится в некотором противоречии с характером публицистических выступлений Огарева на страницах Вольной русской прессы в первые годы эмиграции. Действительно, основная установка статей Огарева 1856—1858 гг. отчетливо отразила непоследовательность его революционного демократизма. Истоком этой непоследовательности были остатки дворянской ограниченности мировоззрения Огарева, не до конца изжитое представление, что образованное дворянство может якобы возглавить общественное движение в пользу народа. Вместе с тем Огарев разделял крестьянскую веру в царя, был склонен к преувеличению относительной независимости самодержавия, способного быть арбитром между крепостниками и их крепостными. И если установка Огарева на развертывание действенной пропаганды, его стремление к активной общественно-публицистической деятельности стимулировались назревавшей в России революционной ситуацией, то отмеченные отступления были в известной мере порождены той же обстановкой общественного энтузиазма и несомненной идеализации личности Александра II как либерально настроенного царя. Сочетание идеологии крестьянской демократии с дворянским либерализмом, выражавшее тем не менее революционные требования крестьянства, нашло свое воплощение в развитой Огаревым идее самодержавной революции. Наиболее последовательно он изложил ее в статье «Что бы сделал Петр Великий» (1857 г.). Трактую Петра как великого царя — револю-

¹² Н. П. Огарев. Избр. произв., т. II, стр. 105.

ционер, руководствовавшегося не интересами династическими, а исключительно интересами «русского развития», как выразителя общественных потребностей данного исторического момента, как деятеля, стоящего выше своекорыстных интересов сословий, Огарев считал современное положение России аналогичным эпохе Петра, требующим такого же «вождя императора». Программа «самодержавной революции», изложенная Огаревым, включала коренные социальные и политические преобразования: уничтожение крепостного права с предоставлением крестьянам той земли, которой они фактически пользовались (средством ли проведенной правительством выкупной операции или полюбовного соглашения между крестьянами и помещиками), полное преобразование судебного и административного устройства — уничтожение чиновничества и введение выборного суда и управления, уничтожение цензуры, отмена системы рекрутства и сокращение войска, свобода вероисповедания и гласность в самом широком значении этого понятия. Как эта статья, так и позиция Огарева в тот период в целом отмечены ярко выраженной просветительской тенденцией в подходе к решению проблем общественного развития. Наука рассматривается им как одна из решающих сил прогресса, как его ведущее начало. Будучи выражением самых насущных требований крестьянских масс, отвечая коренным социально-политическим задачам, стоявшим перед крепостнической Россией, — задачам буржуазно-демократических преобразований, программа, выдвигаемая Огаревым, никогда не исключала народного восстания как крайней меры для ее реализации, но меры неизбежной, если будут исчерпаны другие мирные возможности. «За бунт мужики примутся только тогда, когда будет ясно, что правительство не хочет никаких перемен»¹³, — писал Огарев в тот момент, когда еще абсолютно был уверен, что правительство не может не хотеть перемен, так как иначе оно погибнет «само собою от чиновничьей и экономической анархии...»¹⁴.

Идея самодержавной революции, допущение реформистского исхода как преимущественно желательного отразило присущую Огареву и наиболее ярко теперь сказавшуюся недооценку политических форм борьбы, что было, как и у Герцена, реакцией на исход политических революций в Европе, на исход 1848 года: «...Дело не в перемене правительства, а в перемене, которая улучшила бы положение людей»¹⁵. Эта односторонняя реакция на буржуазный радикализм, которой не чужд был некоторое время и Чернышевский, подкреплялись идеями русского «крестьянского социализма», якобы, как тогда считали Герцен и Огарев, совместимого с монархической формой власти.

Однако никогда не исчезающий у Огарева скепсис в отношении доброй воли царя питал его мысль, работавшую над идеей создания тайного общества, которое возглавило бы борьбу за социальные преобразования. Написанная в начале 1857 г. «Записка о тайном обществе» фиксирует все своеобразие позиции Огарева в этот период. Придавая первостепенное значение просвещению общества, испытывая либеральные увлечения, он в то же время отлично сознавал, что выдвигаемая им программа может пропагандироваться только тайным обществом. Тайное общество создается для руководства деятельностью образованного меньшинства, направленной на осуществление коренных социальных преобразований. Девиз общества — «социальная реформа»; его главная задача — уничтожение крепостного права; способ действия — пропаганда и целеустремленная деятельность тайных, а также и многочисленных «бессознательных» агентов, проникающих во все области

¹³ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 199.

¹⁴ Там же, стр. 200.

¹⁵ Там же, стр. 197.

общественной, государственной и хозяйственной жизни. Возглавляющий свою многочисленную периферийную агентуру центр тайного общества реализует весь полученный от них материал и дает направление пропаганде в центральном органе общества. Так определял Огарев место и назначение боевого периодического издания, замысел которого был осуществлен по его предложению созданием «Колокола». Длинный перечень изложенных в «Записке» задач, разработка которых предполагает необходимое условие решения центральной задачи — уничтожения крепостного права (первостепенная роль знания!), — должен был составить программу как специальных изданий, так и в обобщающем виде — центрального издания. Вся эта программа и в своем конкретном содержании и в тактической направленности нашла выражение в «Колоколе» первых лет его издания и, в частности, в многообразной и интенсивной публицистической деятельности Огарева, развернувшейся на его страницах. В ходе подготовки правительственных реформ, все отчетливее выявлявшей их антинародную сущность и общность интересов царя и помещиков, изживались либеральные иллюзии Огарева, угасала его вера в мирный исход, обретала силу политическая тенденция. Сдвиги, происшедшие в сознании Огарева, были закреплены в таком ярком документе его политической биографии, как рукопись «Идеалы». Продолжая начатое «Запиской о тайном обществе» развитие принципов создания и деятельности проектируемой организации, Огарев обогащает их новым, принципиальной важности моментом: выдвигается задача замены существующего «центрально-военно-бюрократического» правительства республиканским правлением, основанным на федерации самоуправляющихся областей. Изложенные Огаревым в «Идеалах» главные основания будущей русской конституции означали коренное преобразование русского политического строя, возможное лишь в результате победоносной народной революции. Этим определялось содержание проводимой тайным обществом пропаганды: распространение и внедрение в обществе идеи конфедерации, т. е. подготовка общественного сознания к необходимости коренного политического преобразования. Как видим, назначение тайного общества состоит пока не в организации революционных сил, а только в их идейной подготовке. Таким образом, рукопись «Идеалы», датируемая 1859 г.¹⁶, фиксирует очень важный момент в идейно-политическом развитии Огарева. Осуществление социалистических идеалов ставится в неразрывную связь с необходимостью революционного свержения царизма. Если «Записка о тайном обществе» давала теоретическое обоснование необходимости, полезности его создания и излагала основные организационные принципы, то рукопись «Идеалы», нацеливая на революционный исход движения, содержит подробную разработку структуры русской революционной организации. Обосновывая необходимость нахождения центра общества не за границей, а в России, Огарев выдвигает такой новый принципиальный довод, как связь общества «с немым множеством, т. е. с крестьянами». Эта связь осуществляется через членов центра — «апостолов», имеющих около себя учеников, полупосвященных, и чем далее от центра, тем менее посвященных агентов. Но наряду с центром в России должен существовать центр в Лондоне, представляющий главный орган общества. На нем и лежит основная работа по научной разработке и пропаганде идеалов и критике существующего социально-политического строя¹⁷. В этой связи конкретизируется и организационно усиливается та роль, которая отводилась «Колоколу» как центральному русскому революци-

¹⁶ Датировка рукописи принадлежит акад. М. В. Нечкиной. См. «Литературное наследство», т. 61, стр. 493—494.

¹⁷ См. Н. П. О г а р е в. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 57—58.

онному органу, что нашло прямое отражение в его содержании. Так, в помещенных в 77—78 листе «Колокола» от 1 августа 1860 г. «Письмах к соотечественнику» Огарев выносит приговор правительственной политике по крестьянскому делу, которое будет решено, по его убеждению, помимо правительства, «без него». Отвергая помещичье право на землю, Огарев стоит тем не менее за выкуп, проведенный помимо правительства, полагая, что выкуп все же «дешевле, чем распря и настоящий бой»¹⁸. В «Письмах» развивается мысль «Идеалов» о необходимости «готовить учителей, проповедников науки для крестьян, для народа, странствующих учителей...»¹⁹. На страницы «Колокола» выносятся призыв к организации пропаганды в народе. Но наиболее разительное совпадение идей конспиративного документа и открытой пропаганды мы находим в принадлежащей Огареву передовой статье «Колокола» — «На новый год 1861». Содержащийся здесь призыв порвать с правительством, «встать на свои ноги», «составить свои центры действия», «умножать число образованных офицеров, чтобы войско не было употреблено против крестьян»²⁰, означал отказ от либеральных иллюзий в отношении правительства. Однако Огарев пока еще не исключал возможности мирного решения, силами самого общества, путем «общинного выкупа крепостных земель» при помощи местных сельских банков.

* * *

Как создание рукописи «Идеалы», так и в целом сдвиги, происходившие в тактических установках издателей «Колокола», были объективным отражением сложившейся к этому времени в России революционной ситуации. В то время как Огарев приходил к пониманию необходимости крестьянской революции и вытекающей отсюда задачи ее подготовки и организации через преодоление ошибочных установок и иллюзий, идейные вожди русской революционной демократии — Чернышевский и Добролюбов исходили из этой установки с самого начала своей деятельности. Еще в главе «Очерков гоголевского периода русской литературы», посвященной идейной жизни 30—40-х годов, и в помещенной в той же сентябрьской книжке «Современника» за 1856 г. рецензии на первый сборник стихотворений Огарева Н. Г. Чернышевский определил историческую роль Огарева как предшественника нового поколения революционных бойцов. Он нашел возможным ввиду цензурного запрета упоминания имени Герцена олицетворить в деятельности Огарева все передовые теоретические искания предшествующего поколения, борьбу которого проложена и очищена дорога для того, чтоб движение сделало следующий шаг. Столь же высоко ставилась Чернышевским и его молодым другом, привлеченным им с 1856 г. к участию в «Современнике», издательская деятельность Герцена и Огарева. Они считали себя соратниками в общем деле, видя в лондонских издателях «людей будущего, и даже гораздо больше, нежели многие из действительно молодых людей нашего времени»²¹.

Именно с этих позиций — бойцов, стоящих по одну сторону баррикад, — проходила, в конечном счете, борьба руководителей «Современника» за выравнивание тактической линии «Колокола», борьба за его редакторов как деятелей революционно-демократического лагеря. Один из ярких эпизодов этой борьбы — приезд Чернышевского в Лондон в июне 1859 г. Независимо от того, ставился ли при встрече Чернышев-

¹⁸ Там же, т. I, стр. 366, 367.

¹⁹ Там же, стр. 373.

²⁰ Там же, стр. 387, 393—394.

²¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 3, СПб., 1911, стр. 159.

ского с Герценом прямо вопрос о создании единого центра по руководству революционным движением и, несмотря на известную неудовлетворенность друг другом, оставшуюся у них обеих после встречи,— это свидание несомненно способствовало консолидации революционных сил России. Она выразилась прежде всего в выравнивании политической линии «Колокола», все более приближающейся к установкам «Современника».

Анализ последующей революционно-практической деятельности Огарева подтверждает тесный контакт, установившийся между русским и иностранным революционными центрами.

Первые известия об обнародовании Манифеста 19 февраля были встречены издателями «Колокола» словами приветствия, хотя уже в том же 95 листе от 1 апреля 1861 г., где была опубликована передовая «Манифест!», прозвучала полным диссонансом редакционная заметка «День страха». Как о зловещем симптоме, сообщалось в ней о тех чрезвычайных военных мерах, которые были предприняты правительством ко дню объявления манифеста. Последовавшие затем события в России, а перед тем вести о расстрелах в Польше развеяли ненадолго воскресшую веру в добрую волю Александра II. Словами «проклятья и негодования» за убийство «наших братьев» ответил «Колокол» на кровавое усмирение освобождаемого крестьянства... «Разрыв с этим правительством для всякого честного человека становится обязательным», заявил Огарев, приступая к «Разбору нового крепостного права», публикация которого началась с 101 л. «Колокола» от 15 июня 1861 г.

«Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут!», таков приговор, вынесенный Огаревым реформе. Этот приговор знаменовал открытый вызов правительству и переход к новому этапу борьбы. Публикация «Разбора», занявшая пять номеров «Колокола», уже в л. 102 была прервана, чтобы дать место программной статье Огарева «Что нужно народу?» Обращенная непосредственно к народу, эта статья-прокламация была в известной мере итогом общих согласованных действий издателей «Колокола» и круга «Современника». В ее составлении принял прямое участие близкий Чернышевскому деятель складывающегося русского революционного подполья, полковник генерального штаба Н. Н. Обручев, а в обсуждении,— находившиеся в то время в Лондоне для напечатания прокламации «К молодому поколению» М. Л. Михайлов и Н. В. Шелгунов. Прокламация «Что нужно народу?» (так же как и прокламация Чернышевского к «Барским крестьянам», написанная еще до объявления реформы, зимой 1860 г., когда вождю русской революционной демократии стал уже ясен ее антинародный, грабительский смысл) была пронизана идеей народного восстания и необходимости его подготовки. Отвечая на поставленный вопрос первой же фразой прокламации: «Очень просто, народу нужна земля да воля» и показав, что вместо них он получил от царя пули да шпицрутены, Огарев, как и Чернышевский, не призывает народ к немедленному выступлению, а только к подготовке и организации сил: «... молча собраться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казней, и жизнью, чтобы можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную, да правду человеческую»²². Как и прокламация Чернышевского, а также написанная зимой 1860/61 г. прокламация Н. В. Шелгунова «Братьям солдатам от их доброжелателей поклон», «Что нужно народу?» содержала призыв к солдатам не обращать оружия против народа; сближаться с ним и искать руководителей среди офицеров. Эти же идеи пронизывают и написанную Шелгуновым прокламацию «К молодому

²² Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. I, стр. 536.

му поколению». Для нее характерен ряд моментов, сближающих ее с прокламацией Огарева, но чуждых Чернышевскому. Прокламация Шелгунова подчеркнута идеализировала отсталость русского народного быта, выражающуюся в сохранении поземельной общины, в наличии которой усматривалось преимущество России перед Западом в отношении перспектив социалистической революции. Кроме того, прокламация содержала подробное изложение аграрной программы, основанной на развитии принципа общинного владения, что вовсе отсутствует в прокламации «Барским крестьянам» и что соответствовало тактической линии Чернышевского, сознательно не заострявшего в тот момент внимания на социалистическом характере революции. В то же время издатели «Колокола» не одобряли категоричности политической программы, выдвигаемой прокламацией «К молодому поколению», содержавшееся в ней обоснование справедливости беспощадного террора в отношении всего класса помещиков (это было позже, хотя и не четко, отмечено Шелгуновым)²³. Таким образом, следует признать, что при несомненной общности принципиальных идейных установок и ставки на крестьянскую революцию в революционно-демократическом лагере не было полного единства в тактических установках и решении некоторых теоретических вопросов.

Об этом красноречиво свидетельствует, в частности, письмо Огарева к Н. В. Шелгунову от 27 июля—3 августа 1861 г. Фиксируя серьезные расхождения с Чернышевским в оценке исторических предпосылок, заложенных в общине для социалистического переустройства России, и перспектив развития Запада, а также разногласия в понимании методов создания конспиративной организации, Огарев рассматривает и себя с Герценом и Чернышевского с его соратниками как людей, работающих над одним, общим «делом», во имя которого должно быть преодолено все, что является для него «помехой». Он называет «нашими», «своими» людей, работающих над созданием тайного общества, и дает практические рекомендации как признанный и авторитетный деятель. Из письма Огарева, носившего конспиративный характер, выясняется, что к середине 1861 г. уже существовала «петербургская торговля», т. е. тайное общество в Петербурге, которое было занято созданием подобных обществ в крупнейших экономических центрах России²⁴. Свою прокламацию «Что нужно народу?» Огарев рассматривает как пропагандистский документ складывающейся организации. Действительно, опубликованная в «Колоколе», а затем дважды отпечатанная отдельно прокламация «Что нужно народу?» в необычно большом для того времени количестве экземпляров (Лемке пишет о нескольких десятках тысяч) была перевезена через русскую границу и получила широкое распространение, дохода непосредственно до крестьянской и рабочей среды. Прокламация «Что нужно народу?» читалась крестьянами на местных мирских сходках, передавалась ими из рук в руки²⁵, вручалась крестьянам, приходившим на отхожие промыслы в города²⁶. Донесения об ее обнаружении в городах и селах стали поступать в III Отделение и Министерство внутренних дел уже с сентября 1861 г. Ее распространяли революционеры летом 1862 г. на Волге²⁷.

В то же время «Что нужно народу?» рассматривалась самими деятелями движения как программный документ, на основе которого долж-

²³ См. Н. В. Шелгунов. Воспоминания, М.—П., 1923, стр. 33—34.

²⁴ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философ. произ., т. II, стр. 451—453.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 4, л. 203. Донесение министру вн. дел Тверского военного губернатора от 29 октября 1863 г.

²⁶ Там же, л. 15. Донесение министру вн. дел С.-Петербургского военного генерал-губернатора от 12 сентября 1861 г.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 107.

но произойти объединение революционных групп и кружков в единую конспиративную организацию. Дальнейшая разработка и уточнение этой программы были стимулированы выходом первого подпольного издания 60-х годов — листка «Великорусс» I и той критикой, которой он был подвергнут в революционных кругах. Перепечатав в 107 л. «Колокола» текст «Великорусса» и «Ответ Великоруссу» с подписью: «Ваш. Один из многих», за которой, как признано советскими исследователями, скрывался Н. А. Серно-Соловьевич, издатели «Колокола» приветствовали содержащийся в «Ответе» «живой призыв на живое дело», хотя отмечали, что «не совершенно согласны в частности и форме»²⁸. В помещенном в следующем листе «Ответе на „Ответ Великоруссу“» Огарев изложил некоторые политические и тактические принципы, которые должны быть положены в основу развертывающегося движения, и основные вопросы, связанные с организацией, структурой революционного общества. Огарев безоговорочно приветствовал ведущую идею «Ответа» — неотложную необходимость сплочения всех революционных сил для того, чтобы соединиться с народом и подготовить его к революции. Автор «Ответа» точно указывал при этом ее дату — 1863 г., когда с завершением подписания уставных грамот народ поймет, что он ограблен: «В этот промежуток меньшинство должно сделать дело». Он решительно отвергал установку «Великорусса» на возможное разрешение стоящих перед Россией задач силами одних «образованных классов», без участия народа, путем воздействия «общества» на правительство, а также и на союз революционных элементов с конституционалистами. Последнее возражение Огарев подверг критике. Он считал тактически целесообразным использовать «конституционалистов» в борьбе против самодержавия, а завоевание конституции, несмотря на очевидную для него беспочвенность этой политической формы в России, фактом положительным, так как она «дело подвинет простором, данным мысли, слову и действию»²⁹. Не будучи столь категоричным в указании даты народного восстания, но исходя также из того, что оно связано с переходным положением крестьян, Огарев не сомневался в готовности народа к выступлению, как только он поймет, что ему надо делать в данную минуту. Этим определялась главная задача: стягивание сил и организация меньшинства, сближение с народом, с войском, «сближение с солдатами и с офицерами, занятия офицерских чинов членами обществ»³⁰, организация по областям типографий и тайных обществ, которые «станут стремиться к соединению»³¹.

Чтобы создать условия для этого сближения, активизировать все слои общества, Огарев обращается к ним с воззваниями, продолжая начатую прокламацией «Что нужно народу?» пропаганду народного восстания. Непосредственно к «Что нужно народу?» примыкала прокламация «Что надо делать войску», призывавшая армию не обращать оружия против народа в случае, если он подыметься на защиту своих прав. Разоблачению антинациональной, своекорыстной позиции дворянства и стремлению отколоть его от правительства в интересах народа была подчинена основная идея прокламации «Что нужно помещикам?», так же как и прокламации «Что надо делать духовенству». В ответ на репрессии, обрушенные царизмом на студенческое движение, развернувшееся осенью 1861 г., Огарев обратился к молодежи с пронизанным революционным пафосом призывом разорвать с казенной наукой и идти пропагандировать в народе. Все эти прокламации хлынули в Россию, где они еще не раз перепечатывались в подпольных типографиях.

²⁸ «Колокол», л. 107, 15 сентября 1861 г., стр. 895.

²⁹ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. I, стр. 542.

³⁰ Там же, стр. 547.

³¹ Там же, стр. 538.

В своей борьбе с «преступными замыслами» и распространением «возмутительных воззваний» правительство вынуждено было особые меры предпринять против прокламаций Огарева. Министерством внутренних дел были изданы специальные циркуляры о мерах против распространения в России и открытия распространителей напечатанных в Лондоне воззваний: «1. Что нужно делать войску; 2. Что надо делать духовенству и 3. Что нужно помещикам»³², а также начаты специальные расследования в отношении путей провоза и распространения прокламации «Что нужно народу?».

* * *

Новый, наиболее напряженный и интенсивный период революционно-практической деятельности Огарева связан с организацией осенью 1861 г. тайного революционного общества, принявшего позднее название «Земля и Воля». Работа по его созданию была начата русским революционным центром, который поставил перед собой задачу объединения многочисленных революционных кружков и групп в единую федеративную организацию. Огарев горячо приветствовал эту инициативу, считая, что она должна исходить именно из русского центра, а не из иностранного. Но несомненно, что разработка Огаревым программных и организационных принципов тайного общества способствовала реализации замысла, созревшего в обоих центрах. Пропагандистская кампания Огарева, развернутая им с середины 1861 г., шла в одном русле с целой серией прокламаций, задуманных русским революционным центром, и восполняла ее в ряде звеньев. Да и создавались прокламации Огарева в самом тесном контакте с ближайшими сподвижниками Чернышевского, деятелями революционного подполья — Н. Н. Обручевым, Н. В. Шелгуновым, М. Л. Михайловым, Н. А. Серно-Соловьевичем, А. А. Слепцовым, М. Налбандяном.

Публикации Б. П. Козьминым, С. Переселенковым, Е. Кушевой рукописей, писем, листовок и прокламаций Огарева, опубликованные М. В. Нечкиной новые конспиративные документы Огарева из «Пражской коллекции», извлеченные Я. З. Черняком материалы из записных книжек Огарева, хранящихся в Рукописном отделе Библиотеки им. Ленина, весь комплекс огаревских документов пражской и софийской коллекций³³, включая и их неопубликованную часть, в совокупности с его публицистическим наследством воссоздают последовательные этапы революционной работы Огарева.

Организация тайного общества во всероссийском масштабе, призванного возглавить крестьянское восстание, ожидавшееся революционерами весной 1863 г., выдвигала как практическую задачу разработку его стратегической и тактической линии. Идея крестьянской революции, в пропаганде которой заключался смысл предыдущего этапа деятельности Огарева, теперь находит свое конкретное воплощение в разработанном им стратегическом плане военно-крестьянской революции. Его рукопись [«Цель русского движения»], относящаяся скорее всего к началу 1862 г., содержит изложение этого плана. Если в прокламации «Что надо делать войску» от солдат требовалось только неповиновение команде стрелять в народ, то теперь войску отводится роль зачинателя, руководящей и организующей силы восстания при ведущем значении офицерских революционных организаций. Восстание должно начаться одновременным выступлением войск, «стоящих на окраинах государства». Отсюда они двинутся «... на Москву и Петербург, всюду подымая... народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратника-

³² ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 80, 67, 68.

³³ «Литературное наследство», тт. 39, 40, 41—42, 61, 62, 63.

ми»³⁴. Публикуя этот документ, М. В. Нечкина отметила отзвуки декабристских влияний в той роли, которую отводит Огарев армии в революции. Но в отличие от декабристов у Огарева вся армия, ее солдатская масса выступает как сознательный двигатель революции (офицерские общества должны разъяснить солдатам цель и необходимость восстания) и ведет за собой народные массы, подымая по дороге «села и города». Цель движения — созыв Земского собора для учреждения в России федеративного бессловного государства с передачей крестьянам земли, которой они фактически владеют. Все содержание документа свидетельствует о том, что Огарев считал едва ли возможным положительное отношение царя к созыву Земского собора. Учитывая уровень политического сознания крестьянства, Огарев не придает принципиального значения форме власти, которая будет учреждена в результате победоносного восстания, допуская возможность или выбора Земским собором земского царя или учреждения республиканского правления. Вся идейная нагрузка этого конспиративного документа — его аграрная программа, передача крестьянам земли «как есть межа», т. е. той земли, которую они фактически имели в пользовании, допущение мирного исхода — полностью переплетается с опубликованной Огаревым в 122—123 лл. «Колокола», а затем выпущенной Вольной русской типографией отдельной брошюрой-статьей «Ход судеб», которую он заканчивает напоминанием грозного предупреждения Каразина Александру I: «Я вижу императорский престол потонувшим в крови дворянства».

Идея Земского собора, равного по смыслу Учредительному собранию, впервые высказываемая Огаревым в конспиративном документе «Цель русского движения», присутствовала и в политической программе декабристов. Как требование современного момента она была вновь поставлена «Великоруссом». Если созыв Земского собора есть непосредственная цель движения, то, исключая возможность его созыва царем, тактика революционеров должна заключаться в том, чтобы развенчать веру народа в царя. А для этого дворянским адресам, опубликованным с 1862 г. в «Колоколе» и отражавшим тенденцию к ограничению сословных привилегий, установлению формальных гражданских прав, Огарев противопоставляет общенародный, земский адрес, который содержит требование признать всю землю земской, созыв Земского собора и превращение царя из дворянско-чиновничьего в земского. Эти требования изложены Огаревым в статье «Колокола» «Куда и откуда» (л. 134 от 22 мая 1862 г.). Таким образом, приступив непосредственно к выработке тактики, которая должна подвести народ к восстанию, Огарев впервые выдвигает требование передачи крестьянам всей земли — помещичьей и казенной, а не только той, которой они фактически владеют.

Но план Огарева включает еще один очень существенный момент: чтобы революционное меньшинство могло успешно осуществлять подготовку народа к восстанию, народ должен верить в его полное бескорыстие, в его безусловную преданность народным интересам. Для этого Огарев считал необходимой подачу адреса царю с требованием полного экономического и политического уравнивания меньшинства со всеми остальными сословиями. Такое уравнивание, указывал Огарев, возможно только при отказе от принципа наследственного владения землей, т. е. при условии передачи всей земли в собственность народа и общинного пользования ею. Эта сторона плана была подробно развита Огаревым в двух письмах на имя руководителя русской студенческой организации в Гейдельберге В. И. Бакста, представлявшего ее левое крыло. Весной 1862 г. в ней выявились серьезные разногласия в связи с отношением

³⁴ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 64.

к адресу тверского дворянства. Письма Огарева, написанные по просьбе В. Бакста в связи с возникшей на этой почве угрозой раскола и ликвидации организации, вскрывали буржуазную сущность адреса либералов, были заострены против принципа формального политического равенства и частнособственнического землевладения. Он противопоставлял тверскому адресу проект адреса меньшинства, формулирующий принцип бессословности в духе «русского социализма» — общинное поземельное владение и поземельное пользование без права наследования. Письма Огарева, написанные в мае — июне 1862 г., были отлитографированы активным участником гейдельбергской организации А. Л. Линевым в Мангейме в августе—сентябре 1862 г. Но к этому времени тактический план Огарева несколько видоизменился, что было связано, на наш взгляд, со всем ходом политической жизни России и развитием общественной борьбы. Переход реакции в наступление после того, как она справилась со взрывом крестьянского возмущения, вызванного объявлением Положений 19 февраля, был ознаменован жесточайшими репрессиями правительства в отношении революционного лагеря. Арест Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича, закрытие «Современника», вся атмосфера травли и дискредитации революционеров создали крайне тяжелые условия для деятельности русской революционной организации. Удар, нанесенный правительством, усиливал роль заграничного центра в непосредственном руководстве движением. Приближение срока ожидавшегося восстания вызывало необходимость заново продумать тактическую линию и организационные формы движения. Собственно организационный принцип построения общества был развит Огаревым еще в «Ответе на „Ответ Великоруссу“», где он обосновал необходимость учреждения обществ по областям как условие их перехода в народные, их сближения с народом и войском. Эти идеи Огарев развивал неустанно, об этом он писал к Шелгунову, это главная мысль — «живая жизнь в провинциях; если у вас нет корня в провинциях — ваша работа не пойдет в рост» — его письма к Н. А. Серно-Соловьевичу, попавшего в руки правительства при аресте Ветошникова.

Документом, фиксирующим возросшую роль Огарева в оперативном руководстве деятельностью тайного общества «Земля и Воля» на этом ответственном этапе ее существования, представляется рукопись [«О тайных обществах и их объединениях»], относящаяся ко второй половине 1862 г. Располагая как непосредственной информацией о состоянии революционной работы в России, так и специальными данными, вплоть до численности и расположения войск (он получал их, в частности, от польского революционера, офицера Генерального штаба С. И. Сераковского), Огарев развертывает «план кампании». Рукопись [«О тайных обществах и их объединениях»] как бы суммировала и давала развернутое, конкретное изложение всего комплекса вопросов, связанных с работой по расширению и организационному упрочению самого общества, как внутрирусского, так и его заграничных организаций, с постановкой и направлением проводимой обществом пропаганды, подчиненной «адресной» кампании, и, наконец, самой подготовки и организации восстания. Здесь главным было распространение влияния общества в войсках и во флоте, подготовка их к роли зачинателей и руководителей восстания.

Документ не только свидетельствует о руководящей роли Огарева в делах «Земли и Воли», но и характеризует его отношение к революции как к организованному действию, исключающему элементу анархии. Участие войска, руководимого революционным офицерством, должно превращать восстание в «мирный завоевательный поход» при минимальном кровопролитии. Сам принцип федеративного построения общества основывался Огаревым на необходимости максимального учета народных интересов, своеобразия экономического, национального, религиозного. Ими определялся характер деятельности местных организаций,

содержание проводимой ими пропаганды. Впервые столь четко и конкретно Огарев ставит здесь вопрос о необходимости для действительности пропаганды в народе привлекать к ней крестьян и семинаристов, «которые легче сблизятся с крестьянами, чем дворяне»³⁵.

Развивая тактические установки, изложенные в письмах к В. Баксту, Огарев дополняет их формальным адресом от меньшинства, целью которого было сплотить все антиправительственные силы в момент подготовки крестьянского восстания. Адрес такого содержания, отвечавший требованиям либеральных земцев, был написан Огаревым и отлитографирован гейдельбержцами в августе—сентябре 1862 г. Одновременно с письмами Огарева к Баксту он рассылался по губернским собраниям. Пропаганда всех трех адресов рассматривалась в плане Огарева как средство разоблачения правительства и основание для начала восстания «со всех периферий разом». Организация восстания с периферий, где расположены войска, определяет специфику местной работы: в перифериях пропаганда адресов идет одновременно с военной подготовкой, обеспечивающей материальные предпосылки и действия для начала восстания, к которому примыкают постепенно остальные области, самостоятельно на восстание неспособные. Так детализируется и конкретизируется план военно-крестьянской революции, впервые изложенный Огаревым в рукописи [«Цель русского движения»]. Если и на предыдущем этапе руководство деятельностью организации «Земля и Воля» было кровным делом Огарева, то с арестом Н. А. Серно-Соловьевича и Чернышевского заграничный центр считал себя всецело ответственным за продолжение и обеспечение начатой «Землей и Волей» работы по подготовке революции. Огареву при этом отводилась первостепенная роль. Об этом прямо заявил Герцен в письме к Е. В. Салиас от 21 августа 1862 г.: «Страшно больно, что [Серно]-[Соловьевича], Чер[нышевского] и других взяли. Это у нас незакрывающаяся рана на сердце, но дело не останавливалось, но вопрос ставится, и, если он поставится, то именно на той почве, на которую ставит Огар[ев]; либеральная партия, которая не сумеет на нее стать, будет раздавлена между двумя колесами»³⁶. Как видим, для Герцена очевидна определяющая роль установок Огарева на революционное решение вопроса преобразования русской жизни для перспектив общественного движения в России. По смыслу всего контекста, Огарев — продолжатель дела «взятых» руководителей революционного лагеря. Действительно, воздействие Огарева на русское революционное движение, формы его участия в нем в эти годы были значительными и многообразными. На него, как и на Герцена, легло осуществление им самим сформулированных функций заграничных обществ: постановка пропаганды, связь с агентами внутри русского центра, доставка литературы.

Издание «Колокола», выступление на его страницах с пропагандой революционных действий было крупнейшим революционным делом Герцена и Огарева. Влияние «Колокола», его революционизирующая роль достигают в 1861—1862 гг. наибольшей силы. Он сам становится фактором сложившейся в стране революционной ситуации. Периодичность издания «Колокола», его тираж увеличиваются. Но Огарева уже не удовлетворяет широта аудитории «Колокола». Он задумывает и реализует издание чисто народного периодического органа, каким было возглавлявшееся им «Общее вече» (июнь 1862 — июль 1864 гг.). Хотя непосредственное назначение этого органа состояло в воздействии на широкие старообрядческие и сектантские массы, в которых

³⁵ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 80.

³⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, т. XV, Пг., 1920, стр. 390—391.

Огарев ошибочно усматривал силу, оппозиционную русскому социально-политическому строю, но по существу издание было задумано как средство сближения с народом в целом, как орган, «где бы могли иметь голос все страдания, жалобы, убеждения по вере и потребности житейские самого народа»³⁷. Именно со страниц «Общего веча» обратился Огарев в августе 1862 г. с воззванием к народу «Что надо делать народу?», разошедшимся потом в тысячах экземпляров в виде отдельно отпечатанных прокламаций. Основная идея воззвания — обращение к народу с призывом требовать созыва Земского собора — становится стержневой в развернутой Огаревым агитации. Ее дальнейшее развитие, как и вся организационно-практическая деятельность Огарева, были в значительной степени определены начавшимся в январе 1863 г. восстанием в Польше, а затем крестьянским восстанием в Литве и Белоруссии. Как отмечалось советскими исследователями, позиция Огарева в польском вопросе полностью совпадала с позицией Герцена. Считая восстание преждевременным и неминуемо ведущим к гибели Польши, а характер чисто национальной борьбы поляков вне постановки социального, аграрного вопроса чуждым «русскому делу», Огарев не колеблясь призвал русскую армию в Польшу стать на сторону поляков, хотя бы это грозило гибелью русскому делу, которое «надолго, — писал он, — потонет в чувстве народной ненависти, идущей в связь с преданностью царю...»³⁸. «Обращение к Комитету русских офицеров в Польше», содержащее приведенный призыв, оценивало положение русских офицеров в Польше как трагичное и безвыходное. Обращение было написано Огаревым перед началом польского восстания от имени Герцена и своего в момент отсутствия Герцена и вручено руководителю Русского военного комитета Андрею Потембе как выражение их общего мнения по поводу решения Центрального национального комитета начать восстание в январе 1863 г. Но когда восстание разразилось, польское дело становится в пропаганде и революционной практике Огарева неотделимым от русского, ибо, писал он, «тот народ, который кует цепи для других народов, сам не в силах выйти из рабства»³⁹. В тысячах экземпляров хлынули в Россию и Польшу прокламации и воззвания, написанные Огаревым и отпечатанные в специально созданной гейдельбержцами для растущих нужд пропаганды Бернской типографии⁴⁰. Работая вместе с Герценом над укреплением русско-польского революционного союза, Огарев проводит в прокламациях, обращенных к солдатам и крестьянам, идею объединения сил в борьбе с царизмом. С началом восстания в Литве и Белоруссии эта идея приобретает конкретный план распространения движения с западного края на Россию при инициативной роли войск, которые, двинувшись внутрь страны, подымут народ «на созвание бессословного Земского собора». Прокламации Огарева (и особенно одна из них — «Всеми народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота», написанная при участии члена ЦК «Земли и Воли» А. А. Слепцова, в которой от имени этого общества крестьянство призывалось быть готовым к «слушному часу») составляли основную массу пропагандистской литературы, распространявшейся в народе накануне ожидавшегося восстания.

Записка «Три вопроса», составленная Огаревым в апреле 1863 г. как директивное указание члену «Земли и Воли» сыну Герцена А. А. Герцену, отправлявшемуся по поручению общества в Швецию, — не только документальное свидетельство его руководящего участия в

³⁷ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 87.

³⁸ Там же, стр. 89.

³⁹ Там же, стр. 109.

⁴⁰ См. «Инструкции о порядке отсылки прокламаций и других изданий „Земли и Воли“ в Польшу и Россию». «Лит. наследство», т. 61, стр. 554.

практических, организационных делах «Земли и Воли». Она говорит также о широте замыслов Огарева в отношении дальнейших перспектив революционного движения в России и его связей с освободительным движением других народов. Записка Огарева — один из ярчайших документов революционной принципиальности в решении русской демократией национального вопроса. Признание абсолютного права Финляндии на полное отделение от России служит для Огарева исходным моментом для провозглашения революционного союза с финнами во имя общей борьбы с царизмом, конечная цель которой — союз самостоятельной Финляндии, федеративной России и федеральной Польши на основе общности социального строя. Ясно определившийся характер польского движения и недостаточно выявленная социальная направленность восстания в Белоруссии и Литве, оставлявшая открытым вопрос, сможет ли оно послужить ферментом общерусского крестьянского восстания, не приводят Огарева к пессимистическим выводам. Он делает отсюда заключение о необходимости приняться за подготовку следующего военно-крестьянского восстания, которое может произойти «через два, три, четыре года, т. е. тогда, когда все шансы будут в нашу пользу и силы достаточно подготовлены»⁴¹.

Зрелость анализа размежевания общественных сил в России, перспектив и содержания революционной борьбы, достигнутая Огаревым в годы революционной ситуации, в практике участия в самой гуще этой борьбы, на наш взгляд, с наибольшей публицистической силой и четкостью нашла свое выражение в статье «Надгробное слово». Все основные положения этой статьи вплоть до буквального текстологического повторения были затем развиты Огаревым во второй, а также третьей статье цикла «Расчистка некоторых вопросов» — «Конституция и Земский собор» и «Революция и реорганизация», опубликованных в «Колоколе» в течение 1863 г. (последняя в январском номере «Колокола» за 1864 г.). Надгробное слово Андрею Потемне, погибшему в Польше за честь русской революции, — это страстный рассказ о ее прошлом и настоящем, о путях и перспективах ее дальнейшего развития. Как бы вступая в полемику со своими прошлыми оценками и взглядами, обогащенный опытом прошедшего пятилетия, Огарев развенчивает идею самодержавной революции, которая не может идти дальше переворота, не затрагивающего социальных устоев общества. Он показывает принципиальную невозможность для самодержавия произвести освободительную реформу: сильное самодержавие ее не захочет, а бессильное не сможет осуществить. Огарев произносит приговор и своим прошлым либеральным иллюзиям и современному «доктринаризму (продажному или юридствующему)»: «Попытки преобразования руками бессильного самодержавия не нужны, потому что несбыточны. Оно должно отречься от своего существования или пасть под натиском общественных сил»⁴². Вскрывая формальную сущность конституции, которая может быть дана сверху, Огарев показывает, как русская революционная мысль пришла к пониманию недостаточности только политических преобразований, к пониманию революции как коренной реорганизации всего социального строя. Такая реорганизация может быть осуществлена лишь волей самого народа, а форма ее выражения — Земский собор — бессословное представительное собрание, учреждающее политический и социальный строй общества. «Конституция может быть дана, но Земский собор должен быть взят» — этими словами Огарев призывает молодежь в «Надгробном слове» к революционной борьбе за «взятие» собора, этими же словами начинается статья «Конституция и Земский собор».

⁴¹ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 118.

⁴² Там же, т. I, стр. 620.

«Надгробное слово» было по существу надгробным словом русскому дворянству, завершало идейный разрыв с ним, начатый Огаревым еще в самом начале его жизненного пути. Оно было панихидой русскому дворянскому либерализму, окончательно обнаружившему свою антинародную сущность. Не случайно выдержку из этой статьи Огарева В. И. Ленин привел в доказательство глубины разрыва «Колокола» с либералами, понимания им холуйской сущности русского либерализма. «Дворянство покончило всякую инициативу в жизни», писал Огарев, подводя черту целому этапу русского революционного движения. Он справедливо называет разночинцев, пришедших на смену дворянским революционерам, выразителями интересов крестьянства. Но, будучи идеологом «крестьянского» социализма, Огарев видел их социальную сущность в отрешении «от всякой буржуазной сословности». Мысль Огарева, высказанная им еще в «Идеалах», об установлении прямых связей тайного общества с народом логически завершается призывом к слиянию революционной разночинной интеллигенции с народом, объединению в единых обществах революционеров «солдат, дворовых, мужиков». Но, призывая к объединению революционных сил, Огарев уточнял свое понимание термина «революция», разъяснял, что его не надо смешивать с понятием «восстание». Обычно в истории они совпадают, но это не необходимое условие: «Дело не в восстании, а в реорганизации. Тут все зависит от дальнейшего хода обстоятельств. Упорство казенщины может привести к восстанию; быстрое ослабление ее, уступчивость и согласие на созвание Земского собора могут дать реорганизации мирный исход». Подчеркивая эту мысль, Огарев хотел донести до революционеров необходимость подготовительной работы, которая сделает возможным, по его словам, «устранение кровавых дел и превращение восстания в стройную организацию снизу, в самоустройство, из народа растущее»⁴³.

И, независимо от исхода восстания в Польше и возможности его перерастания в общерусское военно-крестьянское восстание, Огарев обращался к революционной молодежи с призывом вести подготовительную работу, укреплять и расширять тайное общество «Земля и Воля», которое приведет народ к Земскому собору. Организационно оформившиеся в начале 1863 г. взаимоотношения между русским и заграничным революционными центрами, образование при редакции «Колокола» Совета «Земли и Воли» закрепили все увеличивавшуюся роль Герцена и Огарева в руководстве обществом.

Принципиальные взгляды Огарева на задачи революционного движения в России, его понимание соотношения революции и реформы находят конкретное приложение в его рекомендациях руководству «Земли и Воли». В конспиративном письме А. А. Слепцову, развивая положение об объективной закономерности революций, их прогрессивной роли в истории как единственно радикальной меры разрешения социальных противоречий, Огарев формулирует задачу революционных деятелей. Она состоит в создании условий, ускоряющих наступление революции и облегчающих ее свершение. Эти условия создаются пропагандой революционных идей и организацией сил, способных направить революцию в нужное русло и довести ее до победного конца. И если в начальный период своей общественно-политической деятельности (вторая половина 50-х годов) Огарев главенствующее место отводил роли идей, знания в деле общественного прогресса и в их пропаганде видел содержание деятельности тайного общества, то теперь ведущее значение он придает организации революционных сил, их готовности возглавить народное восстание. Развернутое изложение тактических и программных вопросов деятельности общества применитель-

⁴³ Там же, стр. 645, 656.

но к новым политическим условиям революционного спада и разгула реакции находим в записях Огарева второй половины 1863 г. [«О руководящих органах „Земли и Воли” и программе работ ее окружных комитетов»]. Учитывая усилившиеся в связи с польским восстанием процаристские настроения в крестьянстве, Огарев (Герцен особенно подчеркивает эту его мысль) считал нецелесообразным заострять внимание на политических вопросах, «не проповедовать никаких абстрактных понятий о свободе и противуцаризме». Общество должно исключительно сосредоточиться на пропаганде «необходимости Земского собора, который бы основал поземельное народное владение, сельское волостное и областное самоуправление, свободы веры — и (позже проповедовать) — избранного земского царя»⁴⁴.

Неутомимо и упорно работая над сохранением «Земли и Воли», восстанавливая прерванные восстанием связи, налаживая новые, направляя в русло землевольческой деятельности разрозненные эмигрантские группы, организуя транспортировку литературы, Огарев, как это видно из его переписки с Н. И. Утиным, продолжал настойчиво трудиться над программой общества.

В силу того, что переживаемый политический момент — отсутствие перспектив на революцию в ближайшем будущем — исключал возможность обращения к народу с прокламациями и воззваниями, а требовал более систематической и углубленной пропаганды, Огарев выдвигает идею «миссионерства», которое должно сменить прокламационную деятельность. «Миссионерство» означало непосредственное сближение революционеров с народом в целях пропаганды, это был по существу призыв идти в народ. Поддерживая контакты с революционными кругами в России, внимательно следя за возникновением новых революционных объединений и формами их работы, Огарев находит удачное решение «миссионерской» задачи в попытке создания революционерами земледельческих ассоциаций. О замыслах ишутинцев в этом направлении ему было, по-видимому, известно через Н. И. Жуковского. О попытках организации пропагандистских коммун для поселения в народе писал Огареву участник революционного движения конца 60-х годов А. А. Криль⁴⁵. Несомненно в этой связи следует рассматривать рукопись Огарева [«О пропагандистских земледельческих коммунах»]⁴⁶.

Тот упор на социальный характер пропаганды, который мы отметили уже в конспиративной записи Огарева о работе «Земли и Воли» в условиях спада революционного подъема, соответствовал объективному положению дел в русском революционном движении. Но, отдавая дань присущей ему во второй половине 50-х годов недооценке политической борьбы, Огарев снова допускает либеральные отступления, переоценивает прогрессивный характер правительственных реформ, усматривает в них предпосылки для социалистического развития России. Но как бы далеко ни заходил Огарев в данном направлении, встречая при этом справедливый отпор со стороны представителей молодой революционной эмиграции, и в своих отношениях с ними, и в теоретических поисках он неизменно ориентировался на революционный курс. Поэтому утрата ясной революционной перспективы, ощущавшаяся в направлении «Колокола» в последние годы его существования, глубоко беспокоила и угнетала его. Стремясь наладить общую работу с молодой эмиграцией, Огарев должен был признать ее критику во многом справедливой. Сознательная ответственность роли идейных руководителей движений и несомненно под непосредственным впечатлением

⁴⁴ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 93.

⁴⁵ См. «Лит. наследство», т. 62, стр. 136, 276, 278—279.

⁴⁶ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв., т. II, стр. 182—183.

критики, содержащейся в письме к нему Утина от 14 февраля 1867 г., Огарев писал Герцену о необходимости для них как издателей «Колокола» «иметь ясную и определенную политическую догматику, т. е. ясное понимание оснований, стремлений и цели русской общественности»⁴⁷. Таким генеральным уточнением собственных позиций, изложением и формулировкой своего понимания теоретических проблем революции и социализма в их приложении к русским условиям была полемика, развернувшаяся в 1869 г. между Герценом и Огаревым в связи со статьей Герцена «Между старичками», направленной против Бакунина. На ход этой полемики, особенно на позицию Огарева, существенным образом повлияло то обстоятельство, что она совпала с нечаевско-бакунинской «агитационной кампанией», в которой деятельное участие принял и Огарев.

Поддержка, оказанная Огаревым Нечаеву, доверие, с которым он встретил нечаевские мистификации, были не следствием качеств его характера или романтической увлеченности близкой перспективой революции. Позиция Огарева основывалась на его глубокой убежденности в том, что условия, сложившиеся в России после «обманного» освобождения, неизбежно чреватые крестьянской революцией. Как и в сентябре 1861 г., когда он писал «Ответ на „Ответ Великооруссу“», Огарев был уверен, что народ готов к выступлению и дело только за тем, чтобы революционное меньшинство, сплотившись организационно, подняло его. Правительство само, писал в «Ответе» Огарев, «...,положением о крестьянах» определило время, в которое может совершиться его падение; оно обозначило его переходным положением, это — от издания манифеста два года, шесть лет, девять лет»⁴⁸. Ожидаемый Огаревым срок совпал с «информацией» Нечаева. Его вкладом в начатую Нечаевым и Бакуниным кампанию была целая серия прокламаций, две из которых — «От стариков к молодым друзьям» и «Наша повесть» были написаны в первые же дни знакомства с Нечаевым, приехавшим в Женеву в начале апреля 1869 г., и вызвали резкие разногласия с Герценом. Поэтому первый «Ответ» Огарева на статью Герцена «Между старичками» содержал уже развернутое изложение основных моментов расхождения, частичное обсуждение которых они начали перед тем в письмах. Одновременно «Ответ» содержал и полемику против Бакунина в связи с выходом в это время (около 10 мая) его брошюры «Постановка революционного вопроса», в которой он доводил свои анархистские взгляды на природу русской революции до провозглашения разбоя силой социального прогресса.

Позиция, занятая Огаревым, ясно отражала игнорирование им экономических последствий реформы, которые при всей их половинчатости в какой-то степени разрешали задачи буржуазного преобразования русского экономического строя. Считая вообще буржуазное развитие «экономическим промахом», Огарев склонен был недооценивать при таком внеисторическом подходе значение экономического фактора и критиковал с этих позиций Герцена. Справедливо указывая Герцену на недооценку им революционного фактора в историческом процессе, Огарев, признававший революцию объективной исторической закономерностью, считал невозможным на современном этапе познание этой закономерности.

Ограниченность трактовки Огаревым экономических предпосылок революции сводилась им к провозглашению экономического строя русской поземельной общины основанием русской социальной революции. Пониманием этого обстоятельства должны, по мысли Огарева, руководствоваться русские революционные деятели. Отсюда моменты судь-

⁴⁷ Там же, стр. 521.

⁴⁸ Там же, т. I, стр. 547.

ективизма, появившиеся в его трактовке проблемы революции: надо спешить с вызовом народа на революцию ради сохранения и «развития общинного элемента», существованию которого угрожает «сила высших сословий и правительства», пытающихся его везде разрушить⁴⁹. Поэтому Бакунина Огарев критиковал только за недооценку им этого сознательного фактора преобразования, которым должно быть проникнуто сознание руководителей движения и самих народных масс, выступающих во имя существующих форм народного поземельного владения — основания социалистического развития России. Огарев связывал перспективы русской революции исключительно со специфическими формами русской народной жизни, отказываясь проникнуть в суть всемирно-исторической закономерности социализма: «Общий переворот может только обозначить сумму местных переворотов... Поэтому социализм теоретичный, всеобъемлющий, будь он Фурье или Гракха Бабефа,— не приложим. Реальная почва только и может быть выдвинута посредством реального движения, покамест общая цель, о которой я говорил, не достигнута»⁵⁰. Таким образом, «русский социализм» Огарева продолжал быть наиболее радикальной формой выражения революционных требований русского крестьянства, боровшегося против помещичьей земельной собственности и всех пережитков крепостничества, закрепленных реформой 1861 г. Одновременно он заключал в себе мелкобуржуазный протест против капитализма, попытку противопоставить ему специфически русский, «социалистический» путь развития. И в этом Огарев как мыслитель уступал Герцену, приходившему к пониманию всемирно-исторической миссии пролетариата и обусловленности социализма экономическими факторами, подготовленными предшествующим, буржуазным развитием общества. Революционность Огарева оставалась революционностью русской крестьянской демократии. Этим определяется его место в истории русского революционного движения как одного из основоположников народничества. В крестьянской революции, проникнутой идеей «русского социализма», которой должна быть пронизана вся революционная пропаганда в народе, видел он неотложную для России задачу.

Революционная борьба за демократическую Россию была воистину делом жизни Огарева. На долю советских исследователей выпало восстановить историческую правду об Огареве, чей вклад приблизил торжество русской революции. Это тем более нужно сейчас, когда мы отмечаем 150-летие со дня его рождения.

⁴⁹ Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философск. произв. т. II, М., 1956, стр. 220, 221.

⁵⁰ Там же, стр. 218.